

— Брат, вы начали посещать уроки учителя в прошлом году, верно?

— Именно так, но как вы догадались?

— Насколько я знаю, учитель сломал уже больше двадцати линеек.

Выгнанные из класса двое ничего не могли делать, кроме как бродить по академии, любуясь пейзажами. Вода в пруду с лотосами была прозрачна, как зеркало, редкие листья нефритового цвета скрывали резвящихся уток, а волны, оставленные пролетевшими лебедями, ещё не успели успокоиться, когда их встретили дымчато-зелёные ветви ивы на берегу.

За тысячу лет существования Академии Буцзэ её растительность стала пышной и густой, но чаще всего вспоминали о сакуре.

Причина проста: каждый раз, когда сакура расцветала, это означало время выпуска, прощания с академией.

Сколько раз сакура цвела и опадала, столько же раз она провожала студентов, полных амбиций, в разные уголки мира, чтобы они следовали своим мечтам.

Впоследствии те, кто не смог реализовать свои амбиции, любили вспоминать о беззаботных днях юности в академии, а те, кто достиг высоких постов, вспоминали простоту тех времён, когда дрались ради драки и ели ради еды. Даже бродяги с тоской вспоминали спокойные дороги в общежитие утром и вечером. Сакура стала символом их чувств.

Цзян Цзинсин впервые оказался в Академии Буцзэ и не мог наслаждаться романтикой под цветущей сакурой, но теперь он чувствовал, как дорога тишина и пение птиц.

— Только сейчас я понял, как ценна тишина.

Се Жунцзяо холодно посмотрел на него, расшифровывая:

— Значит, учитель, вы намеренно позволили себя выгнать из класса?

На самом деле, когда учитель приказал им уйти, в его сердце была капля облегчения.

Наконец-то избавление от мучений.

Лучше не мучить друг друга.

У совершенствующихся слух и зрение острее, чем у обычных людей, и с уровнем мастерства Цзян Цзинсина он наверняка мог бы узнать голос учителя.

Иначе он бы не дожил до уровня Святого.

Цзян Цзинсин возмутился:

— Я не делал этого! Это первый раз, когда меня выгнали из класса.

Се Жунцзяо удивился:

— Учитель, вас раньше никогда не выгоняли?

Однако прошлое Цзян Цзинсина в его рассказах было настолько приукрашено, что казалось,

будто он родился, чтобы стать Святым и спасти мир.

Но Се Жунцзяо, наслушавшись его баек, знал, что правда и вымысел смешаны, и, добавив к этому рассказы Се Хуаня и Се Жунхуа, мог примерно представить, как выглядела юность Святого.

Он не казался учеником, который бы нравился учителям и избегал выгонов.

На самом деле Се Жунхуа однажды язвительно фыркнула, точно заметив:

— Единственные, кто мог любить Цзян Цзинсина в юности, были девушки из квартала Пинкан. Я восхищаюсь каждой из них, они настоящие героини.

Цзян Цзинсин вздохнул:

— Учителя Государственного училища как могли выгнать меня?

В отличие от нейтральной Академии Буцзэ, Государственное училище было миниатюрной копией Хаоцзина. Когда Цзян Цзинсин поступил туда, дом Цзян был на пике своего могущества, контролируя большую часть армии Чжэньбэй Северной Чжоу, и даже ректор училища закрывал глаза на его проделки.

Он ходил в училище только для галочки, а настоящим его наставником в совершенствовании был другой человек.

Тот, кто стоял у власти с момента основания Северной Чжоу, чьё положение было вторым после императора, а уровень мастерства — первым в династии. Наставник государства.

— Что касается Наставника государства... — Цзян Цзинсин усмехнулся, — он не терпел никаких церемоний. Если ты сильнее, можешь слушать или не слушать. Если слабее — слушай.

Се Жунцзяо наконец понял, откуда у Цзян Цзинсина взялся этот дух «не согласен — дерись».

Он думал, что это влияние военной традиции дома Цзян.

Цзян Цзинсин продолжал:

— Не смотрите на то, что сейчас у императора Северной Чжоу нет сына, а Наставник государства поддерживает старшего сына императора Хуая, Цзи Хуана, который борется с другими князьями, и говорите, что он мягок. Если бы Наставник государства был на несколько десятков лет моложе, эти князья бы уже отремонтировали свои дома в отдалённых землях дважды.

Даже великие мастера, которые доминировали более двухсот лет, сталкиваются с закатом своей жизни и приближением конца.

Он вдруг замолчал.

Наставник государства был его учителем.

Наставник государства, поддерживавший императора Хуая, после поражения отца Цзян Цзинсина в битве с Северной Пустошью, обвинил дом Цзян в измене и заключил всю семью в тюрьму.

Его мать, услышав новости, тут же покончила с собой, отец умер в тюрьме, а остальные родственники погибли на плахе. Дом Цзян, который шутливо называли «половиной династии», исчез в Северной Чжоу, его кровь затопила былую славу и богатство.

Только Цзян Цзинсин, по неизвестной причине, был отправлен отцом на Северную Пустошь для тренировок перед катастрофой.

Позже он провёл несколько лет на Северной Пустоши, и только достигнув этапа большой колесницы, он осмелился пройти через самые отдалённые горы на юг, в Южный регион.

Поскольку патриарх Секты Закона предсказал, что он станет первым за сотни лет, кто преодолеет проклятие «Святой этап обречён на смерть», и судьба Девяти Областей зависела от него, силы Южного региона так или иначе защищали его, и Цзян Цзинсин действительно дожил до уровня Святого.

Став Святым, он обыскал всю Северную Пустошь и Девять Областей, но не нашёл никого, кто мог бы остановить его.

Во время охоты императора Чжоу он одним ударом меча положил конец вражде между домом Чжоу и домом Цзян.

После этого он и дом Чжоу рассчитались.

Наставник государства всегда стоял за домом Чжоу.

Се Жунцзяо почувствовал себя неловко.

Цзян Цзинсин в его присутствии любил приукрашивать всё, не стесняясь, и уже несколько раз менял историю своих предков, приводя убедительные аргументы.

Если бы однажды могилы предков Цзян Цзинсина ожили и услышали его рассказы, они бы, вероятно, усомнились в своей памяти.

Только о периоде уничтожения дома Цзян и о прошлом Наставника государства Се Жунцзяо слышал мало.

Видимо, это было для него важно.

Се Жунцзяо прожил свои восемнадцать лет без особых трудностей, и самое большое его беспокойство было связано с новыми препятствиями на пути меча. Он даже не мог представить, в каком положении оказался тогда Цзян Цзинсин.

Поэтому он не хотел просто сказать пару красивых слов для проформы, а лишь сухо заметил:

— Наставник государства, видимо, хорошо подходил вам как учитель.

Хотя Цзян Цзинсин знал его характер, он не мог не задуматься, не сделал ли он что-то, что обидело Се Жунцзяо.

Цзян Цзинсин пробормотал:

— Наверное, Се Хуань тогда наложил на меня проклятие.

Иначе зачем он взял Се Жунцзяо в ученики.

— Если бы учитель действительно был проклят, то это было бы проклятие в виде ста тысяч лянов золота и десяти тысяч духовных камней.

Они молча смотрели друг на друга.

Атмосфера стала неловкой.

Цзян Цзинсин сказал:

— Я жалею.

Зная это, он должен был:

— Мне следовало попросить у Се Хуаня больше.

Се Жунцзяо любезно предложил:

— Хотите, я напишу письмо? Сейчас ещё не поздно.

Цзян Цзинсин искренне ответил:

— На самом деле, подумав ещё раз, я не так уж и жалею.

— Так что насчёт письма, пожалуйста, А-Цы.

Во дворе ректора был павильон у ручья. Город Буцзэ окружён горами, и двор был построен у подножия, с ручьём, текущим через каменные горы, образуя водопад. Шестиугольный павильон находился прямо под водопадом, и, сидя внутри, можно было видеть, как вода струится, словно дым. Летом зелёная листва покрывала всё, и даже совершенствующиеся, нечувствительные к жаре и холоду, чувствовали себя здесь прохладно и спокойно.

Ректор и старый учёный в традиционной одежде сидели друг напротив друга в павильоне. Старик был румяным, и, несмотря на седые волосы и бороду, его воинственный дух был всё ещё силён, что не совсем сочеталось с его одеждой учёного.

Если бы здесь был учитель истории совершенствования, он бы сразу узнал этого человека, который доставлял им столько хлопот.

Ректор держал чашку свежесваренного чая, извиняясь:

— Демонические культиваторы проникли в нашу академию, и я тоже возмущён. Но сейчас нет другого выхода, кроме как сначала найти их, а потом разбираться.

Старик гневно посмотрел на него, его голос громко прозвучал:

— Как ты стал ректором? Академия не стремится к славе или богатству, она существует, чтобы дать молодым людям место для спокойного поиска истины. Но это не значит, что академия может оставаться равнодушной, когда демонические культиваторы проникают внутрь, и, возможно, среди нас есть предатели, сотрудничающие с демонами!

Затем он начал перечислять всё, что ректор сделал после вступления в должность, обсуждая плюсы и минусы каждого действия. Его голос заглушал звук водопада за окном, и казалось, что он готов анализировать всю жизнь ректора, словно пишет биографию, не обращая внимания на то, что сам ректор не только жив, но и сидит перед ним, пьёт чай.

Ректор, уже привыкший к их выходкам, сказал:

— Да, да, вы правы. Но сейчас главное — поймать демонических культиваторов. Мои дела могут подождать, мы можем обсудить их в любой удобный момент, хоть три дня и три ночи, если вам угодно.

Старик неохотно замолчал:

— Вижу, у ректора есть план. Скажите, что делать.

<http://bllate.org/book/16198/1453460>